

Алёна Малова. Часть третья

Денис Бутин

18+

Денис Бутин

Алена Малова. Часть третья

<https://litres.ru/74458962>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман погружает читателя в драматические реалии России начала 1990х — времени, когда привычный мир рушился, а на смену старым правилам приходили жестокие законы новой эпохи. На фоне масштабных социальных потрясений разворачиваются судьбы героев.

Алёна Малова, журналистка с обострённым чувством справедливости, берётся за опасное расследование: она хочет разоблачить преступную сеть, которая ломает судьбы молодых девушек. В её руки попадает письмо матери погибшей шестнадцатилетней Регины — девушки, которая в попытке спастись от насилия выпрыгнула из окна.

Параллельно раскрывается история Ильнура Баязитова, вернувшегося из армии и столкнувшегося с тем, как изменился родной город: на улицах хозяйничают банды, а его младшая сестра Лейсан оказалась втянута в проституцию под угрозой расправы над семьёй.

В центре преступной паутины — Талгат Исмагилов (Сипок) и его окружение: они строят криминальную империю, расширяют

влияние и безжалостно устраняют любые препятствия на своём пути.

Денис Бутин

Алена Малова.

Часть третья

Глава 1. День рождения

Март 1993 года.

«Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе...» — из динамика японского кассетника доносился популярный хит группы «Комбинация», перекрывая гул голосов и звон стаканов. В двухкомнатной квартире под номером 49 панельной девятиэтажки было шумно, многолюдно и очень тесно — люди стояли плечом к плечу, кто-то прислонился к стене, кто-то устроился на подоконнике. В этот день отмечал свой восемнадцатый день рождения Булат Исмагилов, более известный под погонялом Сыр.

Стол хоть и не был шикарным, но в условиях безденежья выглядел солидно: нарезка из полукопчёной колбасы, банка шпрота, миска салата с майонезом, горка варёной картошки, щедро посыпанной укропом, и несколько бутылок дешёво-

го портвейна. По краям стола теснились гранёные стаканы. На краю, почти свисая, лежала тарелка с ломтиками чёрного хлеба, присыпанного солью и чесноком, — её никто не трогал, будто она была здесь для вида.

— Пришлось всех чертей района потрясти, чтобы накрыть такую поляну, — похвастался Булат перед Региной Нигматуллиной, шестнадцатилетней девушкой с огромными тёмными глазами и длинными волосами, заплетёнными в тяжёлую косу. Он говорил громко, будто хотел, чтобы его слышали не только Регина, но и полквартиры.

— Понятно, — лишь тихо произнесла девушка.

Она была застенчивой, держалась чуть в стороне от шумной компании. Булат по-свойски положил ей на плечо руку.

— Знаешь, что мне на днюху подарил брат? — он хитро прищурился, будто собирался показать фокус, и понизил голос.

— Нет, — Регина чуть наклонила голову, в её взгляде мелькнуло любопытство, смешанное с тревогой: она знала, что двоюродный брат Булата — не просто родственник, а человек, чьё имя в городе было широко известно.

Булат достал из-за спины картонную коробку голубого цвета.

— Смотри, — он чуть понизил голос, будто раскрывал государственную тайну, и вытащил оттуда плеер Sony Walkman, чёрный, с серебристыми кнопками и крошечным окошком дисплея. Рядом болтался провод с наушниками, тонкие, почти игрушечные. — Настоящий японский. Не какая-нибудь подделка с рынка.

Регина наклонилась чуть ближе, не решаясь дотронуться. В её огромных глазах отразился тусклый свет настольной лампы — и что-то ещё: восхищение, смешанное с недоверием.

— Настоящий... японский, — прошептала она, будто боялась спугнуть чудо. — И что, прямо музыку можно слушать?

Не с кассеты, а... вот так?

Булат расплылся в довольной улыбке и, не удержавшись, тут же выхватил из кармана кассету с потрёпанной наклейкой: на ней корявым почерком было выведено «Комбинация — лучшие хиты».

— Сейчас покажу, — пообещал он, ловко вставляя кассету в плеер. — Вот этот трек, слушай...

Из динамика снова полились знакомые аккорды, но теперь — только для них двоих. Булат протянул Регине один наушник, второй оставил себе. Она осторожно прижала его к уху, и на секунду её лицо озарилось искренней улыбкой.

Внезапно кто-то погладил Регину по голове. Девушка подняла голову. Рядом стояла её подруга Лилия Усманова — именно она уговорила её прийти на эту вечеринку. Лилия улыбалась во весь рот, в глазах плясали озорные искры. Она уже была немного пьяной, и от неё пахло дешёвыми духами и сигаретным дымом.

— А чем вы тут заняты? — спросила она, склонив голову набок и чуть покачиваясь.

— Музыку слушаем, — со смущённой улыбкой ответила Регина, будто их застали за чем-то запретным.

— Я тоже хочу! — Лилия потянулась к плееру, не дожидаясь разрешения, и хихикнула. — Ну дай хоть на секундочку!

— На, — сказал ей Сыр и небрежным жестом протянул плеер, но тут же хитро подмигнул. — Только недолго. Это эксклюзив.

Лилия тут же вставила наушник и замерла, покачивая головой в такт.

— О, это тот самый хит! — выдохнула она и снова хихикнула. — Регин, ты только послушай! Это же просто обалденно!

Регина улыбнулась, но как-то неуверенно, будто ей было неловко за подругу.

После Булат взял за ладонь Регину и со словами: «Айда, я тебе ещё кое что покажу» — повёл её в спальню. Там у открытого окна дымили трое парней лет семнадцати и что-то громко обсуждали, сопровождая слова хохотом. Окно было приоткрыто, и в комнату врывался прохладный вечерний воздух, смешиваясь с запахом табака и уличной пыли. На подоконнике валялись смятые пачки из под сигарет, а на полу темнели окурки.

— Пацаны, нам нужно уединиться! — Булат хитро подмигнул парням.

— Поняли, — ответил один из них, затушил сигарету о пепельницу и махнул остальным. Троица быстро удалилась, прихватив с собой недопитые стаканы. Дверь за ними хлопнула, и в комнате на мгновение стало непривычно тихо.

Спальня выглядела ещё более обжитой и одновременно

запущенной, чем гостиная. На полу лежал старый палас с протёртыми дорожками, а кровать с цветастым покрывалом казалась слишком большой для этой тесной комнаты. На тумбочке стояла фотография в рамке — потрёпанная, с загнутым уголком, на ней улыбались родители Булата, ещё молодые. Рядом громоздилась стопка старых журналов, а сверху лежала зажигалка с изображением мотоцикла.

— Смотри, какая кровать! — заявил Исмагилов и прыгнул на широкую кровать с цветастым покрывалом. Пружины скрипнули, и этот звук резанул по нервам Регины.

От этих слов что-то похолодело внутри девушки. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок, а в груди сжалось что-то тяжёлое.

— Я, пожалуй, пойду! — голос её дрогнул, но она всё же попыталась сделать шаг к двери.

— Да подожди ты! — Булат соскочил с кровати и шагнул к ней, улыбаясь так, будто ничего не понимал. — Присаживайся! Не бойся меня. Не обижу. Честно.

Девушка почему-то доверилась его убеждениям и покорно села, но тут же неловко поправила юбку, будто хотела стать меньше и незаметнее.

На Регине была светло бежевая водолазка из тонкой, уже слегка растянутой ангоры, которая плотно облегла шею. Регина то и дело чуть оттягивала ворот, будто он её душил. Поверх неё девушка накинула вязаный жилет тёмно-синего цвета с крупной вязкой. Юбка была из плотной ткани в мелкий цветочный принт: тёмно-зелёный фон и крошечные розовые бутоны. Длина чуть ниже колена делала Регину ещё более замкнутой, словно она нарочно выбирала то, что не привлекает внимания. Из под юбки выглядывали цветастые колготки: на бежевой основе хаотично рассыпались мелкие фиолетовые и горчичные цветочки.

— Какая же ты красивая, — произнёс Булат сладковатым голосом, подходя ближе. — Прямо персик. Я сразу тебя приметил, ещё когда ты только вошла. Думал сегодня ты будешь моей.

Он положил руки ей на бёдра, и в этом жесте было столько уверенности, что Регине стало не по себе. Она почувствовала, как пальцы его рук впиваются в ткань юбки, и это ощущение было чужим, неприятным, пугающим.

Регина начала отодвигаться, вжимаясь в край кровати. Пружины снова скрипнули, будто вторя её страху.

— Может, вернёмся обратно? — тихо спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Там Лилька, наверное, уже скучает...

— Зачем? — Булат наклонился к ней, его лицо оказалось слишком близко, и она уловила запах портвейна и мятной жвачки. — Ты не понимаешь, что я хочу тебя!

— Не надо! — робко заявила девушка и встала, чувствуя, как предательски дрожат колени. Она хотела выйти, но парень преградил дорогу, упёршись рукой в дверной косяк. Его пальцы побелели от напряжения.

— Надо-надо! — он шагнул ближе и потянулся к её юбке.

— Нет, нет! — голос Регины сорвался на шёпот, в нём слышался неподдельный страх. Она вжалась в подоконник, ощущая спиной холод старого дерева.

Секунду она замерла, словно пытаясь унять бешено колотящееся сердце, а потом, резко движением вскочила на подоконник и, не раздумывая ни мгновения, выпрыгнула из распахнутого окна.

Глава 2. Письмо

В хрущёвке пахло подгоревшей гречкой и старым деревом — запах, который Алёна уже начала считать своим, привычным. Квартира была крошечной: кухня — ровно на два шага, комната — с диваном, который по ночам превращался в кровать, и шкафом, вечно норовившим рухнуть, если открыть обе дверцы сразу. Вася где-то на смене, крутил баранку жёлтой «Волги» с шашечками на борту. Алёна протирала тряпкой подоконник, когда в дверь позвонили — коротко, по-домашнему, как умеют только свои.

На пороге стояла мама. В руках — клетчатая сумка, на плечах — пальто, которое Алёна помнила с детства: тёмно-синее, с потёртым воротником.

— Мам... — Алёна шагнула вперёд, обняла, уткнулась носом в колючий шарф. — Ты чего не предупредила? Я бы хоть пирог какой испекла...

— Да какой там пирог, — мама улыбнулась, но улыбка вышла усталой, будто держалась на последних каплях сил. — Просто села на автобус и поехала. Скучала. Да и посмотреть хотела, как ты тут... в этом Белгороде.

Алёна провела её на кухню, поставила чайник, достала из шкафа банку с вареньем — единственное, что можно было назвать «гостевым». Они сидели друг напротив друга, говорили о пустяках: о погоде, о соседях, о том, что в магазине опять нет нормального хлеба. Алёна старалась не смотреть в мамины глаза — в них было столько тревоги, столько невысказанного, что становилось не по себе.

И вдруг — неловкое движение, мама потянулась за лож-

кой, и из кармана пальто выскользнул конверт. Толстый, потёртый по краям, с выцветшими чернилами. Он упал на пол, чуть не угодив в лужицу от пролитого чая.

Алёна наклонилась, подняла. На лицевой стороне — её имя, написанное незнакомым почерком, торопливым, будто буквы спешили друг за другом, боясь не успеть.

— Ой, прости, — мама покраснела, схватила конверт, спрятала обратно, но было поздно. Алёна уже заметила.

— Что это? — тихо спросила она, и голос вдруг стал чужим, каким-то глухим.

Мама помолчала, глядя на свои руки, сложенные в замок. Потом вздохнула — так тяжело.

— Это... тебе. От одной женщины. Альфии Нигматуллиной. Она... просила передать. Я не знала, давать тебе его или нет... Всё думала: может, тебе и так нелегко, зачем ещё чужую беду на плечи вешать.

Алёна замерла.

— Откуда ты её знаешь?

— Да я её и не знала вовсе, — покачала она головой. — Она сама в дверь позвонила. Прямо в нашу квартиру. Искала тебя. Сказала, что только ты сможешь ей помочь, что ты правду не прячешь, а говоришь в лицо. Видимо, в редакции адрес дали...

Мама снова вздохнула.

— Всё про дочку свою рассказывала. Про Регину. Говорила, что та тихая была, добрая, всё цветы на подоконнике выращивала, даже в нашей серости пыталась что-то живое сберечь. А потом... — мама запнулась, сглотнула, и Алёна увидела, как дрогнули её веки, будто она изо всех сил старалась не заплакать. — Потом она мне это письмо отдала. Держала его в руках, как будто боялась выпустить, а потом всё-таки протянула и сказала: «Если встретишь Алёну — пере-

дай. Может, она поможет. У неё чистое сердце».

Алёна надорвала край, вытащила лист. Бумага была тонкой, почти прозрачной, будто её много раз разворачивали и сворачивали снова.

«Здравствуй, Алёна! Пишет тебе Альфия Нигматуллина, мамы Регины. Не знаю, дойдёт ли до тебя это письмо. Говорят, ты далеко уехала, что тебя не найти вовсе. Я просто не знаю ещё к кому обратиться. Но я должна хоть кому-то рассказать о постигшем меня горе. Жила я скромно, муж у меня умер, от инфаркта. Осталась у меня от него только дочь — моя кровинушка Регина. И её у меня теперь отобрали.

Ну обо всём по порядку. Она была на дне рождения у Булата Исмагилова. Его фамилия тебе, наверное, известна. Я потом всё выпрашивала, по крупицам собирала информацию: говорят, он хотел надругаться над ней, а она у меня честная, правильная, не умела огрызаться. Она просто хотела спастись — и не нашла другого выхода, как выпрыгнуть из окна.

Теперь она лежит в сырой земле, на кладбище, а этот негодяй Булат ходит по земле, смеётся, пьёт, живёт. А ведь он — двоюродный брат этого бандита Талгата Исмагилова. Будь они прокляты! У них там всё схвачено, все дорожки подмазаны. Я ходила в милицию — мне сказали: «Нет состава преступления. Сама выпрыгнула». Но я-то знаю: её довели. И если ты, Алёна, хоть что-то можешь... если у тебя есть сила, есть люди, есть смелость... помоги. Накажи тех, кто погубил мою дочь. Ради всех матерей, которые не должны хоронить своих детей. Ей было всего шестнадцать».

Письмо дрожало в руках Алёны, как живой, испуганный зверёк. Она читала и перечитывала строки, и с каждым словом внутри что-то сжималось, становилось твёрже, холоднее.

— Она просила помочь, — прошептала мама. — Я не знала, что делать. Думала, может, ты... может, у тебя получится.

Алёна аккуратно сложила письмо, положила на стол. Её пальцы больше не дрожали.

— Получится, — сказала она, и в голосе не было ни сомнения, ни страха. Только спокойная, железная уверенность. — Обязательно получится.

В этот момент в замке повернулся ключ — Вася вернулся со смены. Вошёл, стряхивая с куртки снежинки, улыбнулся, увидев маму Алёны.

— О, гости! Сейчас чаю налью...

Но Алёна уже встала, подошла к нему, взяла за руки.

— Вась, — сказала она тихо, но так, что он сразу понял: сейчас не до чая. — Нам нужно поговорить. Очень серьёзно.

Он посмотрел на неё, потом на письмо, лежащее на столе, на мамино бледное лицо.

Кивнул — коротко, без лишних слов.

— Рассказывай, — сказал он. — Всё с начала.

Глава 3. Дембель

Май 1989 года.

Тёплый ветер гулял по дворам города, подхватывал обрывки газет и кружил пыль над потрескавшимся асфальтом. Где-то вдалеке надрывно гудел трамвай, а в Парке у остановки «30 микрорайон» жизнь текла своим чередом — будто и не было ни тревожных передовиц в газетах, ни ощущения, что привычный мир потихоньку начинает трещать по швам.

— Здравствуй, мама, я опять пишу письмо. Здравствуй, мама, мне здесь очень хорошо... — пел парень под гитару, и голос его, хоть и старался держаться ровно, всё равно срывался на грустной ноте.

Он сидел на новенькой свежепокрашенной деревянной лавочке. На нём был старенький спортивный костюм, а на голове — зелёный берет. Дембельский берет. Звали его Ильнур Баязитов. Ему едва исполнилось двадцать, но взгляд у него был такой, будто он успел увидеть куда больше, чем по-

ложено парню в этом возрасте. В глазах застыла глубокая, тяжёлая сосредоточенность.

Рядом, на скамейке и возле неё, сидели и стояли пацаны помладше — лет шестнадцати-семнадцати. Кто-то курил, пряча сигарету в кулаке, кто-то крутил в руках обёртку от жвачки, но все слушали. Они внимательно слушали дембеля, ловили каждое слово, каждый оттенок в голосе — как будто через него можно было заглянуть туда, в ту самую жизнь, о которой они знали только по слухам и страшным историям.

Когда песня закончилась, повисла короткая пауза. Ильнур провёл ладонью по деке гитары, будто успокаивая её, и передал инструмент одному из парней. Тот взял его аккуратно.

— Держи, только не порви струны, — усмехнулся Ильнур, поправляя берет.

Ильнур поднялся, потянулся, разминая плечи, и пошёл дальше по аллее. Вокруг кипела обычная гражданская жизнь: бегали беззаботные дети, гоняя друг друга между скамейками, смеялась молодёжь, обсуждая свои, ещё такие про-

стые и понятные дела, вальяжно прогуливались люди постарше, поглядывая на ребят с той смесью снисходительности и тревоги, которая бывает у тех, кто помнит другие времена и не очень верит в нынешние.

— О, Ильнур! — внезапно раздался знакомый голос.

Парень обернулся. С одной из скамеек приподнялся его одноклассник — Андрей Глазистов. Высокий, под метр восемьдесят, с широкими плечами и той самой статью, из-за которой в школе его то ли боялись, то ли уважали — а может, и то, и другое. Он шагнул навстречу, раскинув руки, и протянул ладонь для рукопожатия.

— Привет! Сколько лет? сколько зим? Ты что, всё уже дембельнулся? — спросил Андрей, и в его голосе слышалась искренняя радость.

— Привет, — ответил Ильнур, пожимая руку, но в его приветствии чувствовалась та самая настороженность, которая не отпускала его с самого возвращения.

— Да. Вот только сегодня сошёл с поезда. Ехал почти пять суток с пересадками.

- Здорово! как служба? где служил? Надеюсь, деда не сильно прессовали.

Дембель чуть помедлил, аккуратно подбирая слова, словно боялся, что из них вырвется что-то слишком тяжёлое для этого светлого майского дня. Он посмотрел на Андрея — на его открытое, живое лицо, на то, как он нетерпеливо переминается с ноги на ногу, и понял, что не сможет рассказать ему всего.

— В Средней Азии, — наконец произнёс он, глядя куда-то поверх головы Андрея, туда, где над крышами домов висело бледно-голубое небо. — Не то чтобы прессовали... Скорее, учили быстро понимать, что к чему. Там время течёт иначе. День может тянуться, как месяц, а месяц пролетает, как неделя. И каждый день ты учишься чему-то новому — иногда такому, о чём потом не хочется вспоминать.

От этих слов у Андрея будто что-то дрогнуло внутри. Он вдруг перестал улыбаться, посмотрел на Ильнура внимательно, будто увидел его впервые.

— Понимаю, — тихо сказал Андрей, хотя на самом деле понимал лишь отчасти. Ему, не покидавшему родного города, трудно было представить, каково это — жить там, где время течёт иначе.

— Слушай, пока тебя не было, в городе многое изменилось, — продолжил Андрей, понизив голос. — Ты, наверное, уже слышал — в стране перестройка и всё такое. Так вот, наступило наше время. Теперь у каждой конторы в городе свои точки, свои барыги. Мы с них имеем бабки.

Андрей криво усмехнулся, стряхнул пепел и снова огляделся, будто сам не до конца верил в то, что говорил.

— Рестораны, тачки, девчонки — всё наше... Я вот на прошлой неделе в «Центральном» ужинал — знаешь, тот, куда раньше простому работяге и соваться было стыдно? Так вот, теперь я там свой человек. Официанты кланяются, метр-

дотель улыбается... А ведь ещё пару лет назад я бы и в дверях не задержался.

Он помолчал, потом вдруг посерьёзней, и в его голосе зазвучала та самая жёсткость, которую раньше в нём и не угадывалось.

— Город теперь не тот, что раньше. Тут либо ты кого-то имеешь, либо тебя. Третьего не дано. Кто не успел вписаться в эту волну — остался на обочине. Видел вчера Петю из нашего двора? Тот, что в гараже всю жизнь копался? Теперь он грузчиком на рынке пашет, еле концы с концами сводит. А кто-то, наоборот, в гору пошёл...

Баязитов слушал внимательно и не перебивал. Его лицо оставалось спокойным, почти бесстрастным.

— ...Но есть одно, — Андрей сделал паузу, словно подбирая нужные слова. — Контор расплодилось видимо-невидимо. И каждая хочет урвать свой кусок хлеба. Поэтому нам нужны бойцы. Такие, кто не сдрейфит, если запахнет жареным. Кто умеет держать удар и не теряет голову. Ну ты по-

нимаешь, о чём я.

Баязитов молча кивнул. Он понимал. Слишком хорошо понимал.

— Я, конечно, понимаю, ты только с дороги. Устал, наверное. Тебе бы отдохнуть, выспаться, с родными повидаться... — Андрей запнулся, будто сам испугался того, что предложил, и поспешно добавил: — Ты подумай. Не сейчас, позже. Просто знай, что ты нам нужен. Здесь сейчас такие люди на вес золота.

Ильнур посмотрел на него долгим взглядом — не сердитым, не осуждающим, просто очень внимательным, пытаясь разглядеть за этой бравадой того самого мальчишку, с которым когда-то бегал по этим дворам.

— Я подумаю, — наконец сказал он. — Спасибо, что предложил.

Ильнур поправил зелёный берет и пошёл дальше по аллее.

Глава 4. Наконец-то дома

Ильнур перешёл подземку — ту самую, где ещё пару лет назад мальчишки из их двора продавали у входа жвачку и значки, а теперь стояли хмурые парни в спортивных костюмах, переговариваясь вполголоса. Вынырнув из полумрака перехода, он оказался в своём дворе — том самом, где когда-то гонял мяч до темноты, где зимой лепили снеговиков, а летом прятались от зноя в тени тополей.

Он поднялся на третий этаж, привычно, не глядя, нашарил ключ в кармане, вставил в замок. Дверь открылась с тем самым скрипом, который он помнил с детства.

— Мам? — позвал он, скидывая кеды, и голос прозвучал непривычно громко в тишине квартиры.

Из кухни выбежала мама — невысокая, чуть сгорбленная, в старом цветастом халате. Лицо её на мгновение будто осветилось изнутри, а потом черты дрогнули, и она, не сдерживаясь, бросилась к нему, прижала к себе так крепко, словно боялась, что он снова исчезнет.

— Сыночек... — шептала она, глядя его по спине, по плечам, проверяя, настоящий ли он. — Приехал... Наконец-то приехал.

Ильнур обнял её в ответ, уткнулся носом в её волосы, пахнущие хозяйственным мылом и чем-то родным, и вдруг почувствовал, как напряжение, копившееся в нём все эти пять суток дороги, понемногу начинает отпускать.

— Прости, что не предупредил, — тихо сказал он. — Времени не было. На вокзале только и успел, что билет схватить. А звонить... Там с телефонами беда.

Мама отстранилась, посмотрела на него внимательно, пытаясь разглядеть каждую чёрточку, каждую новую морщинку, появившуюся за эти два года.

— Да что ты, сынок, — махнула она рукой, но в глазах стояли слёзы. — Главное, что живой. Что целый. А то в соседнем подъезде похоронили на днях Пашу. В цинковом гро-

бу привезли. Помнишь его, наверное? Сын тёти Любы. Всё шутил, что в десантники пойдёт.

Она потянула его на кухню, усадила за стол, тут же поставила перед ним тарелку с горячими пирожками — такими, какие он любил с детства, с картошкой и луком.

— Ешь, ешь, — торопилась она, суетливо подкладывая ему ещё один пирожок. — Ты, наверное, голодный с дороги.

Парень взял пирожок, откусил — горячий, с хрустящей корочкой, и на мгновение ему показалось, что всё вернулось на круги своя: он снова мальчишка, который прибежал со двора, и мама кормит его после школы. Но стоило поднять глаза и увидеть, как постарела она за эти два года — как появились глубокие складки у рта, как поседели волосы, — и иллюзия рассыпалась.

— Как ты, мам? — спросил он, откладывая пирожок. — Тут... Андрей мне кое-что рассказал про город. Говорит, времена теперь другие.

— Какой Андрей? — тут же насторожилась мама, пальцы её замерли над скатертью.

— Глазистов. Мой одноклассник.

— А! Этот! — она резко махнула рукой, будто отгоняя дурную мысль. — Тот ещё был сорванец. Ты только с ним не связывайся! Поговаривают о нём, что он теперь с бандитами якшается. У них там своя контора, свои дела... Не дай бог тебе в это вляпаться.

Ильнур чуть улыбнулся — впервые за весь вечер, но улыбка вышла натянутой.

— Да я просто в парке его встретил. Он про город рассказывал. Про то, как всё меняется.

Мама вздохнула, села напротив, сложила руки на коленях, пытаясь удержать их, чтобы не дрожали.

— Другие, сынок, — тихо сказала она. — Но не такие страшные, как пишут в газетах. Работа пока есть: я всё также на заводе, смены тяжёлые, но платят вовремя. Да и город растёт — вон, за нашим районом уже новый микрорайон ставят: краны день и ночь гудят, стены растут прямо на глазах. Горбачев обещал улучшить благосостояние народа. Слышал, наверное, уже. Люди верят, что будет лучше.

Она помолчала, теребя край скатерти, и Ильнур вдруг почувствовал, что за этим простым движением что-то скрывается.

— А Лейсан? — спросил он, будто боясь услышать ответ. — Где сестрёнка? Я думал, она дома будет...

Мама вздрогнула, её пальцы замерли на скатерти. Она посмотрела на Ильнура долгим, тяжёлым взглядом, в котором смешались боль и стыд.

— Ох, сынок... — прошептала она, и голос её дрогнул. — С Лейсан беда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.